

А. А. Вовин

Поведение военнослужащих РККА — СА в северной части Кореи в 1945–1946 гг. по материалам отчетов военных комендатур

Тема пребывания советских войск на территории будущей Северной Кореи в межвоенный период (1945–1948 гг.) в историографии до сих пор находится под сильным влиянием идеологии. Так, северо-корейские исследователи преимущественно предпочитают ретушировать сам факт пребывания советских войск в 1945–1948 гг. к северу от 38-й параллели и уж тем более их влияние на становление северокорейской государственности. К ним примыкает и ряд выступающих с позиции «ревизионизма» американских историков, сформулировавших концепцию «корейской революции», т. е. становления государства «снизу», без опоры на СССР¹. С другой стороны, американские исследователи, принадлежащие «тоталитарной»² и «постревизионистской» традициям, напротив, всячески подчеркивают ту негативную роль, которую сыграл СССР в установлении коммунистического режима, зачастую рисуя советскую оккупацию черными красками. Южно-корейская историография раскола между этими двумя, по сути, поллярными точками зрения. Сложность этой историографической ситуации усугубляется еще и тем, что обоим направлениям не хватает источниковой базы по Северной Корее в межвоенный период. Те немногие документы, которые войскам ООН удалось захватить во время войны в ходе двух успешных наступлений на Север, вряд ли достаточны для всестороннего изучения роли, сыгранной СССР.

В этом свете советская историографическая традиция представляется на первый взгляд более сбалансированной: «братская» помощь СССР в лице победоносной 25-й армии, освободившей корейский народ от японских оккупантов, помогла последнему избавиться от пережитков капитализма и даже феодализма и открыла ему путь в самостоятельное построение светлого будущего. Особенностью советской историографии вопроса является то, что с развалом СССР она не ушла в прошлое, как это случилось во многих других направлениях. Так, вышедшая в 2016 г. монография Ю. В. Ванина, на полемике с некоторыми положениями которой во многом строится настоящая статья, продолжает эту традицию. Это ощущается не только на уровне идей, но и на уровне дискурса: «[за] три года пребывания в Северной Корее Советская армия заложила фундамент дружбы и сотрудничества, характеризовавшие на протяжении десятилетий взаимоотношения Советского Союза и КНДР»³, «Народная власть, утверждавшаяся здесь, проводимые ею глубокие преобразования встречали яростное сопротивление уцелевших прояпонских элементов, деятелей из буржуазно-помещичьих кругов, пострадавших от социальных реформ. Свою враждебность они распространяли на Советскую армию, поддерживавшую новую власть, обеспечивавшую ее безопасность: развернули пропагандистскую кампанию, используя антисоветские листовки, провокационные слухи, нелегальные антиправительственные собрания. Население натравливали на Советскую армию, обвиняя ее во всех трудностях и лишениях, переживаемых Северной Кореей после освобождения. Вероятно, это действовало на какую-то часть политически неопытных, слабо информированных людей»⁴, «Находясь в Северной Корее, Советская армия не занималась принудительной “советизацией”, что ей иногда ложно приписывают. Она не вводила там советских порядков, не создавала советских органов власти, так как это не отвечало целям корейской политики СССР, тем более было исключено директивой ставки Верховного Главнокомандующего от 20 сентября 1945 г.»⁵.

Пусть читатель простит меня за столь пространное цитирование — оно было необходимо, и вот почему. Дело здесь даже не в риторике, хоть она и неотличима от советской, а в более существенных вещах. Речь идет о том круге источников, которые использовались Ю. В. Ваниным и повлияли на него сознательно или нет своей риторикой. Обращает на себя внимание, что исследователь преимущественно ссылается на официальные, публичные документы или мемуары советских военных деятелей, принимавших то или иное участие в деятельности советской военной администрации. Это хорошо прослеживается по тексту всей книги, а в списке использованных источников в ее конце особенно бросается в глаза, что документы из АВПРФ (Архив внешней политики Российской Федерации), равно как и опубликованные мемуарные источники явно количественно преобладают над документами из ЦАМО РФ (Центральный архив министерства обороны Российской Федерации)⁶.

Здесь требуется пояснение: документы АВПРФ по своей природе в большей степени отражают официальную позицию СССР по корейскому вопросу, в то время как документы ЦАМО РФ в большей степени связаны с внутренним документооборотом вооруженных сил. Это не означает, разумеется, строгого разделения. Так, приведенная Ю. В. Ваниным полностью директива Ставки Верховного Главнокомандующего Красной армией от 20 сентября 1945 г., разумеется, отложилась и в ЦАМО РФ, и именно в таком качестве цитируется Ю. В. Ваниным⁷. Точно так же отдельные внутренние документы советских вооруженных сил в Корею попадали и в АВПРФ. Так, Ю. В. Ванин приводит по документу из АВПРФ докладную о работе военных комендатур⁸, отправленную командующему 25-й армией по гражданской администрации А. А. Романенко как пример редких нарушений дисциплины и следовавшего за ними неотвратимого наказания. Однако в данном случае речь идет об отдельном примере, документе, волею случая оказавшемся в АВПРФ. Совершенно очевидно, что судить обо всей картине по таким документам нельзя. Между тем в ЦАМО РФ имеется обширный фонд (УСГАСК – Управление Советской гражданской администрации по Северной Корее), в котором отложилась внутренняя документация советских военных комендатур, в том числе и за период, предшествующий созданию собственно УСГАСК, т. е. до 1947 г. Вместе с фондами отдельных комендатур, например фондом 58838 (комендатура провинции Северный Пхеньян), материалы фонда УСГАСК способны восстановить более полную картину пребывания советских войск на севере Кореи и функционирования военных комендатур, вступавших в непосредственный контакт с местным населением. Кроме того, в ряде случаев мы можем «услышать» отдельные корейские голоса «снизу», голоса, конечно, просеянные через сито контрразведки, но тем не менее ценные именно потому, что они дают нам возможность увидеть реакцию корейцев на пребывание чужеземной армии на их земле, реакцию, прослеживаемую не по торжественным выступлениям новоиспеченных северокорейских лидеров, коллективным письмам и праздничным транспарантам (что отразилось в документах АВПРФ), а по тем высказываниям корейцев, которые оказывались в поле зрения советских военных и контрразведчиков. Использование этих материалов⁹, их введение в научный оборот позволяет серьезно скорректировать выводы Ю. В. Ванина, а в ряде случаев и прямо опровергнуть их.

Обратимся к первичным функциям военных комендатур, связанным с выполнением функций военной полиции, т. е. надзором за соблюдением военной дисциплины и уголовного закона военнослужащими. В книге Ю. В. Ванина высказывается мысль, что отдельные преступления против мирного населения, совершаемые советскими военнослужащими, были исключительными, из ряда вон выходящими событиями, составлявшими только небольшой процент от общего числа дисциплинарных проступков¹⁰. Обращение к документам УСГАСК несколько корректирует эту идиллическую картину. Так, например,

за полтора месяца 1945 г. (ноябрь — декабрь) только в провинции Северный Пхеньян было 6 случаев мародерства, 47 случаев пьяного дебоша, приведены несколько случаев изнасилований и убийств, причем специально подчеркивается, что «приведенные здесь факты являются только незначительной частью того, что совершено за последний месяц военнослужащими в гарнизонах расположения частей Красной Армии»¹¹.

Более подробно сводные сведения о преступлениях военнослужащих имеются за май — июнь 1946 г. Они представлены в виде подробного отчета по четырем провинциям, причем приведены и общее число задержанных, и в ряде случаев подробное описание обстоятельств совершения проступка. Суммарно получают следующие показатели: при общем числе задержанных 2463 военнослужащих, из них за дисциплинарные проступки 1583 (нарушение формы одежды, незаконное ношение оружия, посещение базаров и борделей, неприветствие, нарушение приказов, отсутствие увольнительной и т. п.). Эти случаи (около 63% от общего числа) не имеют прямого отношения к взаимоотношениям военнослужащих с местным населением и могут быть отнесены к внутриагитационным дисциплинарным проступкам. Остальные причины задержания распределяются так: за пьянство 739, за мародерство 72, за дебош 35, за грабеж 17, за воровство 12, за изнасилования 2, за убийство 1¹².

На первый взгляд статистика подтверждает написанное В. Ю. Ваниным — преступления в отношении местного населения (139 случаев) составляли малую часть от общих воинских преступлений (2463 случая), т. е. около 5%. Однако сравнение количественных данных с их качественным описанием заставляет нас прийти к иному выводу. Обращает на себя внимание прежде всего то, что в ряде случаев очевидные случаи той или иной формы насилия над местным населением попадали в общую статистику как примеры «пьянки». Так, например, в провинции Южный Пхеньян за июнь 1946 г. приведены следующие случаи нарушения воинской дисциплины: «16 июня в г. Кайсю кр[асноармей]цы разведроты 258 КСД Шаганов (и с ним еще два человека) в пьяном виде зашли в квартиру кореянки ПИИ ЗИНЬ, заткнули ей рот соломой и избивая, стали требовать денег. Так как денег не оказалось, они взяли два костюма и скрылись», «2 июня кр[асноармее]ц 991 СП Ивиков пытался изнасиловать кореянку», «в г. Кинсен 13 июня ст. сержант Закрива в пьяном состоянии ворвался в квартиру корейца и пытался похитить брюки. Кореец нанес ст. сержанту Закрива тяжелые удары по голове, в результате чего последний отправлен в госпиталь»¹³. За этими красочными описаниями происшествий следует общая таблица, согласно которой всего задержано 189 человек, из них: без увольнительных 89, за пьянку 55, за кражу 8, за нарушение формы 30. Где же в этой статистике описанные выше случаи? Допустим, похищение костюмов у кореянки было квалифицировано как кража, хотя очевидно речь идет о грабеже, но неудачная попытка похищения брюк, по-видимому, в статистику краж не попала, а была квалифицирована как «пьянка». Остается только гадать, как

была квалифицирована попытка изнасилования, попала ли она в число «пьянок» или, быть может, «нарушения формы» одежды...

Аналогичную картину мы наблюдаем в случае с отчетом по провинции Северный Хамгён за май 1946 г. Общая статистика такова: нарушение формы одежды 50, посещение базаров 20, пьянка 14, самовольная отлучка 8. При этом дальше в качестве «характерных» примеров приводится следующее: «25 мая парторг ГАП ст. лейтенант Сергеев и ст. лейтенант Давыдов вместе с подчиненными двумя красноармейцами (один из них шофер), будучи в г. Ранан, напились пьяными и поехали по городу на повышенной скорости, наехали на дом корейца и разрушили его, нанеся тем самым ущерб на сумму 7500 йен», «капитан Никифоров и с ним один красноармеец (из группы полковника Железнова) напились в корейском ресторане пьяными и украли у хозяина ресторана велосипед»¹⁴. Как и в предыдущем случае с провинцией Южный Пхеньян, и разрушение дома, и похищение велосипеда попали в категорию «пьянок».

Одним словом, палицо тенденция приуменьшать статистику серьезных преступлений, совершенных военными; называть грабеж кражей, причинение серьезного имущественного ущерба или кражу велосипеда — пьянкой, а попытку изнасилования — либо пьянкой, либо «парушением формы одежды». То есть общее число «пьянок» (739 случаев, 25% от общего числа задержаний по четырем провинциям за май — июнь 1946 г.) вряд ли стоит рассматривать полностью как случаи именно пьянства самого по себе (очевидно, что такие, конечно, преобладали), но и как скрытые в этой категории случаи насильственных и/или имущественных преступлений, совершенных советскими войсками в отношении корейского населения. Оценить количество таких случаев, конечно, вряд ли представляется возможным, однако стоит принять во внимание следующее соображение. Приведенные выше статистические выкладки и конкретные примеры преступлений взяты из обобщающего отчета, составленного по материалам докладов военных комендантов провинций. Те, в свою очередь, писали свои отчеты на основании докладов подчиненных им военных комендантов уездов, которые и занимались непосредственной деятельностью по выявлению и пресечению преступлений военнослужащих. Разумеется, военные коменданты низших уровней были заинтересованы в уменьшении или смягчении статистики совершенных военными преступлениями в их зоне ответственности. Соответственно, такая статистика могла искажаться не только, как было показано выше, в итоговых отчетах, но и на более низких уровнях. Тому есть конкретные примеры.

Так, в фонде военной комендатуры провинции Северный Пхеньян содержатся ежемесячные отчеты военных комендантов отдельных уездов этой провинции. Они касались широкого круга вопросов, среди которых неизменным было поведение военнослужащих¹⁵. Отдельные вопиющие случаи, однако, описывались в специальных донесениях. Так, в отчете от 12.12.1945 упоминаются неоднократные случаи грабежа местного населения, в частности то, как

находящийся в состоянии алкогольного опьянения сержант, угрожая оружием, ограбил корейский дом терпимости¹⁶. Примечательно, что этот случай вооруженного ограбления не попал в уже упоминавшийся выше итоговый отчет по преступлениям военнослужащих в провинции Северный Пхеньян. Там мы видим лишь случаи мародерства и насилия, но в общей статистике грабежей нет, а среди приведенных примеров (очевидно, наиболее вопиющих случаев) эпизод с ограблением дома терпимости тоже отсутствует. Зато есть нераскрытые 22 случая задержания красноармейцев в публичных домах¹⁷. Остается только гадать, попал ли рассматриваемый эпизод в последнюю категорию (что само по себе было бы показательно) или вообще в статистике обобщающего отчета учтен не был, пропав, вероятно, на уровне донесения коменданта провинции Северный Пхеньян.

Подводя итоги статистики преступлений, совершенных советскими военнослужащими в отношении корейского мирного населения, следует признать, что она очевидно значительно занижена, реальный процент таких преступлений от общего числа проступков был довольно значительным, а сами преступления исчислялись десятками в месяц. То есть мнение Ю. В. Ванина об исключительности подобных происшествий следует признать далеким от действительности.

Вышесказанное, однако, никак не должно способствовать очернению солдат и офицеров Красной, а затем Советской армии в Корее в 1945–1946 гг. по целому ряду причин. Во-первых, хотя такие преступления и не были единичны, случались почти каждый день¹⁸ и составляли настоящий предмет для беспокойства руководства 25-й армии (что выражалось в директивах разного уровня, приказах по частям и т. п.), однако нельзя говорить о массовости этого явления при попустительстве командования. Напротив, случаи такого поведения документировались, а виновные разыскивались и наказывались¹⁹. Более того, хотя такие эксцессы и были регулярными, все же о повсеместном насилии говорить не приходится. Во-вторых, очевидно, что ко всему прочему сама специфика работы военных комендатур высвечивала лишь негативные моменты во взаимоотношениях советских военнослужащих и корейского населения. Позитивные же могли остаться в тени. Вообще же солдат и офицеров советских войск вряд ли можно представить этакиими зверями в человеческом обличье, как это порой случалось в «тоталитарной» историографии. Напротив, даже на рассматриваемом материале видны порой тревога и забота о местном населении. Показателен в этом смысле пример полковника А. И. Игнатьева, начальника административно-политического отдела гражданской администрации Северной Кореи, неоднократно обращавшегося в Военный совет 25-й армии с запросом на решение вопроса о японском населении севера Кореи. Насчитывающее около 105 тыс. человек, оно, по его словам, находилось на грани голодной смерти, а в ряде случаев и за этой гранью. По мнению А. И. Игнатьева, было необходимо «решить японский вопрос» одним из двух способов: либо накормить, либо отпустить на родину²⁰. Забота о мирном населении, тем более о бывшем

противнике, как представляется, способна добавить некоторые краски в образ советских офицеров в Северной Корее.

Однако с учетом того, что, как было показано выше, случаи насилия советских военнослужащих над местным населением были достаточно частым явлением, вряд ли можно ожидать, что, как утверждал позднее Н. Г. Лебедев, «многочисленные личные контакты воинов советских частей и подразделений, дислоцированных в Северной Корее, с местными жителями были всегда самыми непринужденными. Беседы о жизни в Советском Союзе, о его государственном и общественном строе невольно заставляли каждого собеседника задумываться о будущем своей страны — Кореи. Рассказы советских воинов о социализме и советских порядках содействовали укреплению авторитета и популярности народных комитетов, оказывали благотворное влияние на их политику, усиливая у них тягу к установлению государственного и общественного строя в Корее без помещиков и капиталистов»²¹. Разумеется, идея о том, что корейцы советизировались вследствие благотворного влияния, оказываемого на них советскими военнослужащими, причем не имеющими никакого намерения проводить советизацию Кореи, не выдерживает никакой критики. Как было показано выше, корейское население хлебнуло немало лиха от действий воинов армии-освободителя, вряд ли какое-то «постоянное общение» и «личный пример» могли способствовать в таких условиях тому, чтобы корейцы прониклись любовью к социализму и неожиданно возжелали его. Такому общению препятствовало и одно немаловажное обстоятельство. Документы военных комендатур пестрят сообщениями о нехватке переводчиков или их недостаточной подготовке²², а также известиями о привлечении к работе корейцев из СССР. Последние, как уже отмечалось в историографии, сыграли не последнюю роль в дальнейшем развитии северокорейской государственности²³. Очевидно, что, особенно в первые полтора года пребывания советских войск в Корее (1945–1946 гг.), им остро не хватало возможностей для непосредственной коммуникации с местным населением.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что «позитивный пример» советских солдат, равно как и общение с ними, не могло способствовать установлению советских порядков севернее 38-й параллели. Что же послужило ключевым фактором в советизации севера Кореи? Ответ на этот вопрос лежит за рамками этой статьи, однако знакомство с фондами военных комендатур позволяет выдвинуть гипотезу, которая согласуется с уже высказанным А. Н. Ланьковым мнением²⁴, а также с моими собственными выводами в другой статье, посвященной первым выборам в Северной Корее в ноябре 1946 г.²⁵ Привнесение советской модели было просто вопросом времени, поскольку вся социально-политическая жизнь корейского общества находилась под неустанным контролем советского военного командования, а непосредственным проводником этой военной власти были военные комендатуры разных уровней, которые, как следует из отчетов уездных и провинциальных военных

комендантов, держали руку на пульсе любых, даже самых незначительных проявлений экономической, политической, социальной и культурной жизни страны. Так, например, фонд 58838 ЦАМО РФ, содержащий отчеты военных комендантов уездов провинции Северный Пхеньян, показывает, что последние посылали в комендатуру провинции несколько раз в месяц отчеты примерно следующего содержания (варьируется от уезда к уезду и от месяца к месяцу, но незначительно): «Личный состав комендатуры, политические настроения населения, политические партии, печать и радио, промышленность и торговля, сельское хоз[яйст]во, проводимые мероприятия, беседы проводимые с л/с, план работ в/к по уезду, о ходе посевной, сбор налогов, о промышленности»²⁶. На основании этих отчетов потом создавались сводные отчеты уже по провинциям. Причем речь в них идет не просто о констатации действительности, а о действиях, проведенных для ее изменения. Это отчеты не наблюдателя, а созидателя. Особенно интересны в таких отчетах отдельные голоса корейцев, недовольных проводимыми советскими военными властями преобразованиями. Так, «в волости Синзо 24 человека отказались получать паспорт, а следовательно и от участия в выборах. Установленные лица, отказавшиеся получать паспорта, состоят в религиозной секте Ке-то-ке, которой руководят помещики Цой Им Вон и Цой Сен Сук. Эти господа, обиженные земельной реформой, объединили вокруг себя таких же обиженных и реакционно настроенных и решили в виде протеста отказаться от получения паспортов. В беседе Цой Им Вон заявил: “Пуускай меня осудят, буду сидеть в тюрьме, но паспорт получать не буду”. Такое же настроение у остальных 24 человек»²⁷. Или: «Член демократической партии Ким Ен Сун заявил: “Нужно добиться, чтобы население голосовало за наших кандидатов. Эту работу надо вести умело, так как население очень доверчиво относится к членам трудовой партии”»²⁸. В этих и других случаях комендант отчитывался о проведенной разъяснительной и воспитательной работе, что на практике иногда означало и арест говорившего²⁹. То есть мы видим, что представители советских военных властей действовали по единственной существовавшей в их сознании схеме: любое проявление несогласия, отклонения от «линии партии» воспринималось ими как проявление «реакционизма», инспирированного «буржуазными» или «прояпонскими» элементами, «господами» или «помещиками». Соответственно, происходила стигматизация протеста и несогласия, их выдавливание за пределы общественной жизни вместе с их носителями. В таких условиях, естественно, на первые роли на всех уровнях выдвигались те, кто, искренне или нет, но поддерживал советские порядки целиком и полностью, что приводило к своеобразному естественному политическому отбору в северокорейском обществе, а военным комендантам давало возможность писать вышестоящему командованию отчеты о «положительной реакции населения». Думается, что если и можно говорить о «корейской революции» снизу, то только в таком ключе, но это должно стать темой отдельного исследования.

- ¹ См., например: *Armstrong Ch.-K.* The North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2003.
- ² См., например: *Strong A.-L.* Inside North Korea: an Eyewitness Account. Montrose, California, 1950.
- ³ *Ванин Ю. В.* Советский Союз и Северная Корея 1945–1948 гг. М., 2016. С. 47.
- ⁴ Там же. С. 48.
- ⁵ Там же. С. 51.
- ⁶ Там же. С. 217–219.
- ⁷ Там же. С. 43.
- ⁸ Там же. С. 49.
- ⁹ Настоящая статья не претендует на всеобъемлющий охват всех материалов фонда УСГАСК и фондов всех советских военных комендатур. Используемые в настоящей статье документы были доступны мне в копиях, хранящихся в департаменте истории факультета свободных искусств университета Корё (Сеул).
- ¹⁰ *Ванин Ю. В.* Советский Союз и Северная Корея 1945–1948 гг. М., 2016. С. 50.
- ¹¹ ЦАМО РФ. Ф. УСГАСК. Оп. 102038. Д. 2. Л. 93–95.
- ¹² Там же. Л. 310–315.
- ¹³ Там же. Л. 313–314.
- ¹⁴ Там же. Л. 310.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 58838. Оп. 536318. Д. 1, 4, 8, 10, 18, 19, 20, 23, 26, 27.
- ¹⁶ Там же. Д. 19. Л. 71–73.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. УСГАСК. Оп. 102038. Д. 2. Л. 93–95.
- ¹⁸ См., например, отчет военного коменданта провинции Северный Хамгён, в котором явно видно, что случаи изнасилования или вооруженного ограбления в ноябре 1945 г. только в столице провинции случались буквально каждый день: ЦАМО РФ. Ф. УСГАСК. Оп. 343224. Д. 22. Л. 219–220.
- ¹⁹ Впрочем, о суровости наказаний тоже говорить не приходится. Так, за попытку изнасилования (возможно, успешную, если судить по рукописной маргиналии к машинописному тексту, живо с использованием всего богатства русского языка описывающей процесс изнасилования) младший сержант Бактюшин отделался всего пятью сутками ареста: Там же. Оп. 343224. Д. 22. Л. 219–220.
- ²⁰ Там же. Оп. 102038. Д. 2. Л. 243–246.
- ²¹ Из воспоминаний генерал-майора Н. Г. Лебедева (*Лебедев Н. Г.* С сознанием исполненного долга // Освобождение Кореи. М., 1976. С. 93). Цит. по: *Ванин Ю. В.* Советский Союз и Северная Корея 1945–1948 гг. М., 2016. С. 51.
- ²² См., например: ЦАМО РФ. Ф. УСГАСК. Оп. 102038. Д. 1. Л. 17, 38–39.
- ²³ Например, Нам Иль, преподаватель математики из Самарканда, стал сначала заместителем министра образования, затем главой Генерального Штаба, а потом министром иностранных дел: *Lankov A.* Soviet Influence on the North Korean Education System and Educational Practice // SNU Journal of Education Research. 1998. Vol. 8. P. 100.
- ²⁴ По мнению А. Н. Ланькова, советские офицеры, полностью контролирующие всю социально-политическую жизнь страны, зачастую неосознанно воспроизводили там единственную известную им модель устройства общества — советскую, даже если это шло вразрез с изначальной установкой на несветизацию Кореи. *Lankov A.* Soviet Influence on the North Korean Education System and Educational Practice // SNU Journal of Education Research. 1998. Vol. 8. P. 98–100.
- ²⁵ *Вовин А. А.* Две редакции «Положения о выборах в национальные комитеты Северной Кореи 3 ноября 1946 г.»: источники и возможные причины возникновения // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2 (26). С. 294–305.
- ²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 58838. Оп. 536318. Д. 18. Л. 138–164.
- ²⁷ Там же. Д. 4. Л. 89.
- ²⁸ Там же. Л. 90.
- ²⁹ Там же. Л. 89.

References

- ARMSTRONG CH.-K. *The North Korean Revolution, 1945–1950*. Cornell University Press, 2003.
- LANKOV A. *Soviet Influence on the North Korean Education System and Educational Practice* // SNU Journal of Education Research. 1998. Vol. 8. P. 97–118.
- STRONG A.-L. *Inside North Korea: an Eyewitness Account*. Montrose, California, 1950.
- VANIN Y. V. *Sovetskiy Soюз i Severnaya Koreya 1945–1948* [Soviet Union and North Korea, 1945–1948. In Russ.]. Moscow, 2016
- VOVIN A. A. *Dve redakzii "Polozheniia o vyborah v nazionalnye komitety Severnoy Korei 3 niyabrya 1946 g."* *istochniki i vozmozhnye prichiny vozniknoveniia* [Two editions of the "Rules of Elections to the National Committees of North Korea on November 3, 1946": Sources and Origins in Russ.] // Petersburg historical journal. 2020. N 2. P. 294–305.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Вовин. Поведение военнослужащих РККА — СА в северной части Кореи в 1945–1946 гг. по материалам отчетов военных комендатур // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 41–50

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются сообщения советских военных комендантов о различных насильственных и имущественных преступлениях, совершенных военнослужащими РККА — СА на севере Кореи в 1945–1946 гг. Автор приходит к выводу о том, что, с одной стороны, такие преступления не были тотальным явлением, как это представлялось в «тоталитарной» историографии, но с другой, вопреки существующей в советской историографии концепции, были и не единичными фактами, а довольно распространенной практикой. Напряженность между военнослужащими и мирным населением вряд ли могла способствовать советизации Кореи снизу, которая, по выдвигаемой автором в конце гипотезе, стала скорее следствием политики советских офицеров разных уровней, неосознанно копировавших свой советский опыт и привносящих его в корейский социум.

Ключевые слова: советские войска в Корее, советизация Северной Кореи, межвоенное пятилетие в Корее, военные комендатуры.

FOR CITATION

A. A. Vovin. Behavior of Soviet Military Personnel in North of Korea, 1945–1946, on base of Commandants Reports // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 41–50

Abstract: The article focuses on the violent offences and property crimes committed by Soviet military personnel with Korean civilians as their victims. The author comes to the conclusion that these crimes were not as all-out as they were considered by the 'totalitarian' school, but, at the same time, they were much more numerous, than the soviet historiography tried to describe them. Such crimes provoked, of course, a kind of tensions between the involved parties which made impossible for socialism ideas to pass from soviet military personnel to Korean civilians. Thus, the latter cultural transfer could not be a reason for 'Korean revolution from below', which roots should be found rather in the policy of Soviet officials who were unconsciously reconstructing in Korea the only social-political reality they knew — the Soviet one.

Key words: Soviet occupation of Korea, Sovietizing of Korea, Korean interwar five years, Soviet commandants in Korea.

Автор: Вовин, Алексей Александрович — к. и. н., научный сотрудник СПб ИИ РАН.

Author: Vovin, Alexei — PhD, research fellow at Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: avovin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5089-9999